

Марк Владимирович Иловайский

КОСТРОМСКАЯ БОЖИЯ МАТЕРЬ

Легенда об Иване Мокеевиче Иловайском – Донского войска старшине

... Услышь псалтирь моей печали,
Глубин отчаянья псалом,
Ты, прозирающая дали
Миров иных мечом-лучом
Очей бесплотных и нетленных...
(Н. Гронский, «Белла Донна»)

Как на привале скальд о славе
Поёт героям у костров,
И птицы, скрытые в дубраве,
Внимают ритму звонких слов,
Которых гусли чудом звона
Бросают с кончика ногтей,
Как стаю поднятых с затона,
Шуршащих взлетом лебедей –

Так и слова моей поэмы
Пусть прозвучат и протрубят,
Оставив суть без перемены –
Для тех, до коих долетят;
Для тех, кого крылом коснутся,
Кому расскажут о былом,
Когда, как искры, пронесутся
Над потухающим огнем...

И пусть лишь дым, летя как слава,
Столбом упрется в небеса,
Чтоб и Небесная Держава
Про те услышала дела.
Так пойте, гусли! Лейтесь, звуки!
Пиши стихи, моя рука.
Поэт – как скальд – расскажет муки
И гордость деда-казака.

ВВЕДЕНИЕ

В моей семье легенду эту
Знал каждый сын, знал каждый внук,
Естественно, что мне – поэту –
Пришлось, не покладая рук,
Засесть за стол и потрудиться,
Чтоб записать ее в стихах.
Но пусть никто не усомнится –
Суть не в проведенных часах,
А в том, насколько оказался
Достойным чтенья этот труд,
И что читатель не остался
Злым от потерянных минут,

Что перед ним прошли виденья
Седых от древности веков,
Героя повести мученья,
Быт горцев, нравы казаков;
Что он, читая, приобщился
К их тяжелой доле и судьбе –
Сколь это так – то я добился,
Чего достичь хотелось мне...

Так пусть же явным станет чудо –
И пусть мой пращур-старшина
Воскреснет из веков – откуда
Дошла легенда до меня.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Разъезд зарвался. Из ущелья,
Куда забрались казаки,
Чуть доносился шум сраженья –
Смешавшись, сотни отошли...
Прижатый к скалам, окруженный,
С семью бойцами старшина
Как волк крутился – принужденный
Лишь отбиваться от врага...

Внизу курчавился, весь в пене,
Поток, шумящий средь камней,
И горцы лезли, как газели,
Чтоб сверху взять его людей.
Блестели шашки. Пот, стекая,
Соленой резью жег глаза.
Враги стонали, умирая.
Вся в ранах левая рука –
Висела плетью. Бросив ружья
И приняв рукопашный бой,
Под свист и лязганье оружия,
Свистевшего над головой –
Донцы смотрели, как смертельным
Враги сжимают их кольцом –
Рубясь с отчаянием последним
Пред неминуемым концом...

Синело небо над горами.
Черемуха кругом цвела.
Срывались камни. Под ногами
Скользила узкая тропа.
Кровь, приливая бурно кверху,
Стучала страхом у висков,
И плыл орел, глядевший сверху
На гибель дерзких казаков;
И сень его, ложась на скалы,
На щель с кизиловым кустом,
Скользя, по лицам их мелькала –
Коротким куцестью крестом...
Все было кончено. Лишь тени
Легли длиннее на камнях.
Трем пленным связаны колени,
Да руки сзади – в двух местах.

Вновь тишина. Щебечут птицы,
Горит хозяйственно костер,
Коней стреножив у криницы,
Гортанный горцев разговор
Гремит вокруг. Благоухает
Залитый блеском Божий мир,
И мертвых, вымыв, пеленают
Враги, предвидя тризны пир.

Другие, обступив с насмешкой
И тыча грязным пальцем в грудь,
Твердят со злобною усмешкой –
Как продадут кому-нибудь:
«Довольно, мол – казачьей воле
Кичиться, саблями блестя –
Пусть кончат жизнь рабом в неволе,
Крутя в натуге жернова...
Пусть знают – бегство невозможно –
Попытка: волос под пятау,
Еще побег – и всенародно
ссекут упряму голову...»

А те – тяжелое дыханье,
Сдавлившее тисками грудь,
Казалось, волнами качанья
Могли с трудом в себя втянуть.
Тоска и боль комком кровавым
Жгла им нутро, мутила мысль,
Мешала здоровое с нездоровым,
Отеком рук ломила кисть,
И к сердцу подступя картиной
Любимой – любого лица,
Кипела злобою звериной
И страхом завтрашнего дня
Текла по жилам, по подкожью,
Сужала в ужасе, как уж,

Зрачки то жаром тела кровью,
То студом слала страха стужь;
Сушила рот сухою сушью,
Как бѣлом – била по вискам,
И черным роем – стаю мушью
Гнала по высохшим слезам...

В десятке «конных» дней лежали
Низовья Дона городки,
Черкасск, где семьи поджидали
Их возвращения с войны.
Где сына в люльке мать качала
И пела песню, наклонясь,
Иль, вспомнив мужа, умолкала,
О нем с тревогою молясь.

Где на реке с азовской кручи
Виднелась стая кораблей,
Где на завалинке скрипучей
По вечерам у куреней
Садилась важно для беседы,
Крутя манерно ус седой,
Прокуренные трубкой деды –
Чтоб смене внуков молодой
Вновь воскресить в рассказах сечи,
Шальные скачки, пуль напев,

Расправя старческие плечи –
Как будто вдруг помолодев...

Где жизнь текла. Была свобода.
Был отчий дом. Своя семья.
Где после трудного похода
На грудь кидается жена.

Вот то, что видел Иловайский
Иван Мокеич – старшина,
Как сонм чарующий и райский,
Когда, закрыв на миг глаза,
Он забывал про боль и раны,
Про плен, насмешки и тоску,
И бреда жаркие туманы
Вдруг разрывали пелену
Видений страшных, непонятных –
Звериных морд, безносых лиц,
И их самих, как бы летящих,
Но с головой болотных птиц...

Так из беспамятства в сознание
Впадали часто казаки.
Их, притороченных, в изгнание
Уж пятый день подряд везли.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Базар шумящею толпою
Гудел, как улей диких пчел.
На луг с затоптанной травой
Спустясь на торг со Снежных гор,
Толпилась толщей стоязычной,
Толкаясь, алчная орда,
Торгуясь с жадностью обычной,
Топчась под говор толмача.

Среди рабов под слоем мушым,
Им облепившим все лицо,
Сидел Иван с лицом старушьим,
Вертя нашейное кольцо.
Железо звякало, звенело,
Звонило звоном звонаря,
И грусть дремучая горела
В глазах горячих ясыря.
Что жизнь?.. – она лишь промелькнула
Как сон! Закончилась. Ушла.
Все то, что было – обмануло,
Остались: рабство и тоска.
Их всех сюда согнали стадом,
Назначат цену. Продадут.
Скуют цепями и с нарядом,
Как скот, в аулы развезут.

Мешая плыть тревожным думам,
Гудел торгашеский народ.
Шумел базар шабашным шумом,
Топтался горцев разный сброд...

Кто был в плену – тот знает муку,
Тоску бесправного раба.
Как раны боль, с семьей разлуку,
Ночами мысль убить себя.
Кусанье губ и стон отчайнья,
Побои зверских палачей
И без конца, без окончанья
Чередованье мертвых дней.

О, как ужасен плен! Неволя!
Решетка толстая тюрьмы.
Как тяжела такая доля
Для молодой, живой души...

Иван бежал!

Сквозь заросль хвои

Виднелся лес, за ним луга...
Два года он провел в неволе
С цепями шейными раба.

Два раза жернов тяжкой лямкой
Стирал до кости все плечо.
Отказ от веры басурманской
Им был оплачен тяжело.
Женитьбы тоже он не принял,
За это в яме жил, как зверь,
Пока мозгами не раскинул,
Чтоб на свободе быть теперь.
Украден конь. Безлунны ночи.
И вот аул уже далек.
Летит беглец, сколь хватит мочи,
Несется пулей наутек.
Вдоль гор, к лесам – искать спасенье.
Два дня пути уже за ним,
Но конь упал – грызет сомненье,
Что будет с пешим и нагим?!
Кругом болота. Видно, сбился...

Затоны, гниль и мошкара,
Пешком он явно заблудился
В кривых излучинах русла...
Но вот земля: по суходолу
Через бурьян к опушке... Чу?! –
Врагов, несущихся по склону,
Он слышит крики и возню.

Собаки. Всадники... Скорее,
Сюда в кусты под бурелом –
К земле – от страха холодея,
Припасть пылающим лицом.
Но как избавиться от своры?!
Погоня ближе... – слышен лай.
Раз конь погиб – какие споры:
Свобода кончена – прощай...

Арканом связанный, избитый,
С вновь переломанной рукой,
Шатаясь, шел с ногой разбитой
Ясырь, поникнув головой.
Трава колючая рогаток
Плела плетнем колени ног,
Хлестала плетка меж лопаток –
Когда он двигаться не мог.

Дымились сакли. Над аулом
Стоял обычный гам и крик.
Нагайкой битый – караулом
Кричал Иван, пока не сник...

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Зажили раны. Стало лучше.
Прошло три года. С беглеца
Снята «баранта» [1] – вроде тучи
На нем висевшая до дня,
Пока Шиблэ [2], шумя и споря,
Могучим голосом с небес
Соазарéсу – богу моря
Отдал под листья голый лес.
Судимый горским Алкараном [3],
Прощен был пленник по весне,
Когда за утренним туманом
Аргалы крадутся в траве,
Когда в лугах цветут нигелы,
Попутчик, нежный бедренец,
И на чинары то и дело
Садится дятел иль скворец;
Когда со Снежных гор [4] стекают
Ручьи болтливые воды,
И солнце руки умывает,
В них окунув свои лучи...

Свобода! Дивная свобода!
Мечта извечная людей –
С весной ворвалась, как природа,
Бурлящей силою страстей

В его дрожащую от боли,
Как птица, раненую грудь –
Порывом бегства, бредом воли,
Решеньем жизнью рискнуть...
Желаньем жить, быть снова дома,
По-русски снова говорить,
Уйти из гор, от бурь и грома,
Проклятье рабское забыть
И у себя с женой, с родными
Стать снова вольным казаком,
Чем прозябать, как тут с другими
В плену позорно под кнутом.
Нет!.. нет! – бежать! Нельзя бояться,
Ведь Бог поможет!.. Жизнь одна!
Он здесь не в силах оставаться –
Уж видно так – ему судьба...

Гяур не смог смириться с пленом,
Мираж свободы – как магнит...
Связав одежду над поленом,
Он ночью вплавь опять бежит!
Плывет! Неслышный и незримый,
Как рыба в речке Чешури [5],
Пока что кажется хранимый
Сквозь буруны и плеск волны...

На этот раз одежду «справил»,
«Абхазский мед» [б] набрал в припас,
Кинжал украденный исправил,
Коль встретит рысь в недобрый час.

Плывет давно. Ни зги не видно.
Ночь без луны. Темнеет берег.
Помог бы Бог – за очевидно
Удачно начатый побег...

Опять луга. Трава. Коренья.
Болота замшевых осок...
Под утро он нашел спасенье,
Когда вконец уже продрог –
В лесу! Идет, бежит по суше,
Тут буки, пихты, шум ветвей...
Скорее вглубь, туда, где глуше,
Где можно скрыться от людей.

О чем он думал, засыпая,
Смыв пот со ссадин и лица,
Когда пришел, изнемогая,
Во тьме на берег озерца?!

И снова лес. Весь день мученья.
Шумящий пеною поток.

Далекий лай... погони бденье,
И снова плен...

Проклятый рок!

Следы в траве собак наводят.
Нет! Нет! – отсюда нет пути:
Отсюда мертвыми выходят –
Лишь под аршин сырой земли...

Ломали пальцы... Били плетью...
Уздень [7] грозил его казнить.
Почти два года жил под клетью,
Пока позволили ходить.

Теперь пастух. Бежать довольно!
Помилуй Бог! Помилуй нас!
Родился, видно, он невольню
В проклятый Богом, горький час...

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Прошло семь лет. Кончалось лето,
Дни стали явно коротеть.
Ложились мягче искры света,
Под утро – росы холодеть.
Зрел виноград. Янтарным цветом
Горели гроздья на лозе.
Плоды айвы сплошным букетом
Склонялись тяжестью к земле.
У саклей от дубленой кожи
Стоял чуть терпкенький душок,
Бобы сушились на рогоже,
А там, где речка на песок
Плескалась в рокоте ворчанья –
Где цвел шалфей и гулявица,
Ковры стирали – от старанья
Топча их пятками – девицы.
В тени рабы ячмень мололи,
Плели корзинки из лозы
И в щепы мелкие кололи
Дрова под чаном для бузы [8]...

На таганах в чаду варили
Запасы разные к зиме;
Тавро железное калили,
Чтоб пропечатать на коне.

Сушили яблоки. Имбирный
Со сливами давили сок,
И от пилавов пряно-жирный
Тянулся в воздухе поток...

Кичился днем возле обрыва
Джигит, учивший молодежь –
Ссекая шашкою красиво
Носы и уши разных рож.
Шумящих воинов толпа
Носилась между рощи буков
Или, ногой держась седла,
Стреляла стрелами из луков.

На близкое к аулу взгорье –
От желтых пастбищ и лугов –
Со Снежных гор на плоскогорье
Пригнали много табунов.
Лишь пастухи с гуртом овечьим –
В запас чуреки [9] взяв с собой –
Все выше лезли, бесконечно –
За свежей, горною травой...

Ясырь Иван лежал под тутом,
Смотря в прозрачность синевы;
Его подпасок шилом гнутым

Чинил чирики, сняв с ноги.
На ветке ясеня прилежно
Паук плел сетку – поперек,
И вероника пахла нежно,
Ивановых касаясь щек.

Кругом в траве паслись ягнята,
И черный жаворонок пел –
И думал он – что жизнь щербата
И горький выдался удел...

В его душе тоска, сжимая,
Точила червем все нутро.
Жизнь оборвалась молодая,
Надежды рухнули давно.
Бежать опять – нет больше силы –
Лишь смерть одна его спасет,
Но безымянную могилу
Никто из близких не найдет...
Он не увидит больше лица –
Своих детей, своей жены,
Как далека его станица,
Как безнадежны рабства дни!..
За что судьба его казнила?
За что пришлось вот так страдать?
Зачем на свет его родила
И грудью выкормила мать...

Горел костер. Кулеш из проса
Варил мальчишка в чугушке,
Зебрясь, дрожали тени косо –
На засыпавшем ясыре...

– «Проснись, Иван! Проснись, дружок!
Проснись, Мне милый сын степной.
Вставай с одра без проволочек,
Займись-ка вновь своей судьбой.
И не таращи глаз закрытых –
Я Мать твоя, Я Божья Мать –
Обычно Я бываю скрытой,
Как скрыта Божья благодать.
Издалека – тебе невидной –
Капель услыша – слез твоих –
Спасти от участи обидной
Пришла незримой для других...

Проснись, Иван! Не испугайся –
Когда согласишь на Меня,
Тверди тропарь и собирайся
Идти на Дон со светом дня.
Молись, Мой друг! Молись, покорный
Мой верный сын. Забудь про страх...
Иди сквозь лес – дорогой горной,
Пока очутишься в степях...

Из алтаря глазами Лица
Я прослежу следы шагов.
Засни теперь... Усни без крика –
Не разбуди своих врагов»...

Иван проснулся. Чуть горели,
Зарей окрасясь, облака.
В траве шуршали коростели,
Блестела крупная роса.
На стебле дикой ежевики
Перед лицом сидел жучок,
Вдали искрились льдами пики,
Неся в долину холодок.
Подпасок спал. Одно полено
Еще дымилось среди золы,
И запах тинистого тлена
Шел от обочины воды...
Блошливый пес чесался сидя;
Овечий гурт лежал кругом,
И глаз Ивана, вдруг – не видя –
Скрестился в памяти со сном...

В уме его тропарь молитвой
Встал – будто вызубренный слог,
И замер он – укрытый свиткой,

Как если б телом занемог.
Куда бежать? Лишь сон приснился!
Опять быть пойманным, как тать.
Сон только сон. Он не решится –
Бежать... быть взятым... вновь страдать...

На этот раз пощады нету:
Словив, в железо закуют,
Посадят в яму, что без света,
Подрежут пятки... разорвут...
А может быть, как было летом
С тем из Орла – что пас телят:
Отрезав пальцы ног при этом,
Еще вдобавок – ослепят...
О нет!.. Владычица, Мать Божья,
Не искушай!.. Я слаб!.. Прости!..
Путями гор и бездорожья
Мне к воле нет уже пути.
Пусть тут мне смерть. Спасенья нету,
Жены лица я не коснусь,
Но видеть дай толику света,
Я не ропщу, я покорюсь –
Верь, вновь обречь свою судьбину
Нет больше силы!.. Сон лишь сон.
Гнетущей тяжести чужбину
Я принял – ею покорен.

Я здесь умру, Тебе покорным,
Смиранным, тихим и простым,
Не искушай виденьем вздорным,
Мне не дано уйти живым...

Сжимались веки у Ивана,
И в уголках закрытых глаз
Росла, подобная алмазу,
Роса людская напоказ.

И будто ширясь, наливаясь,
Катясь вдоль носа к бороде,
Стекали капли те, сливаясь
С росой, лежащей на траве...

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

Вновь ночь окутала покровом
Земли осеннюю пору.
Вновь звёзды блеском камельковым
Ржаную режут темноту.
Вновь их лучи огнем мерцанья
Текут с высот небесных стран,
И сном подернуто сознание,
Как с гор спустившийся туман.
Вновь спит земля. Умолкли крики.
Спит скот, собаки, пастухи.
Спит и Иван, но Бога блики
Плывут из дальней Костромы;
В одежде горней, многоцветной,
Под платом синей бирюзы
Святая Дева клич приветный
Ивану кажется с высоты:

– «О сын Мой милый и скорбящий,
Мой бедный, бедный сын степной –
Услышь Мой зов. Мой голос вящий.
Восстань с одра – иди домой.
Я охраню твою попытку,
Верь Мне, Иван – твой сон есть явь,
Не мучь себя – забудь про пытку,

Спеши ко Мне, от сна восстав!
Издалека лучом чудесным
Я охраню твои пути.
Не верь сомнениям телесным –
Вставай! Молись – и уходи»...

– «Ступай!» – сказал Иван подпаску –
«Гони весь гурт домой в аул.
Переходи ручей с опаской –
Ягнят пугает водный гул.
Скажи, придя: “Уздень, ясыря
Не жди до вечера, как срок,
Он ягод и плодов имбиря
Решил собрать тебе лубок!”»

Кричала резко каравайка,
Когда сбегал ясырь с горы,
Как мчится борзая иль лайка,
Так он бежал до темноты.
По перелескам, по оврагам,
Цепляясь тут, срываясь там,
То прыгая, то в кручу шагом,
По топям, кочкам, по лугам –
Спешил вперед – за лес, за горы,
К степям, где выжжена трава,

Где скроют дерзкого просторы
Иль камыши Цхэлéуха [10].
Скорей! Быстрей! Как можно прытче,
Скорей на Дон! К себе домой!
Бежал казак как можно шибче,
Не чуя ноги под собой...

Аул был поднят. Своры, стаи,
Ватаги горцев на конях
С рассветом в грохоте и лае
Неслись во всех уже лесах.
Уздень кричал: «Ушел, наверно,
Донской упрямец старшина,
Ну подожди ж – поймав, примерно
Накажем смертью подлеца!»

Клещами злобными колючки
Кустов тянулись до лица,
Сухие ветки ночью в кучки
Сползались в ловле беглеца;
Стволы скользили под руками,
Мешая двигаться вперед,
Сбегались ямы под ногами,
Танцуя дикий хоровод.

Но он все шел и шел, не видя
Ни ям, ни веток, ни кустов,
Его бесчувственность – предвидя,
Укрыла платом храбрецов...

Когда ж забрезжил день наставший,
Он оказался меж лесов,
С травой черною, стоящей
Средь снизу сожженных стволов.

Лишь купы зелени шумели
От лип и тиса над головой,
Да дрофы и чепуры пели,
Перекликаясь меж собой...

Казак упал... Уж нету силы
Ему вперед еще идти,
И он на дерева вершины
Залез с трудом до темноты...

Под вечер грозная погоня
Неслась по сожженной траве;
Иван дрожал под крики гона,
Забившись в ясеня дупле,
Но нюх собак – землей паленой
Оборван был на полпути,

И след, казавшийся каленым –
Не удавалось им найти.
С щемящим сердцем, замирая,
К стволу прижавшись, не дыша,
Он слушал крики, звуки лая
Иль топот близкого коня...
Так старшина два раза рядом
Смотрел на горцев из листовы,
Пока уздень со всем отрядом
Искал пропавшие следы.
Призыв к молитве был беззвучен –
Несясь к далекой Костроме –
И спал он, к дереву прикручен
Ремнем, в небесной высоте...
На третий день уздень взбешенный –
Следов гяура нет нигде –
Крутятся по местности сожженной,
Как волк свирепый в темноте –
Перерешил: искать Ивана –
Не меж лесов и вдоль степи,
А у подножья гор Ходана [11] –
Вдоль пастбищ речки Квирили [12].

Спасен от горцев был несчастный,
Голодный, драный удалец...
Но путь степной – был путь опасный
В семь сотен верст в один конец...

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

Шелестели травы. Студенели росы.
Где-то на Задонье чуть звенели косы;
Где-то билось море в громе волн и пены,
Будто бьется воля головой об стены;
Будто холод ночи, ночи южной, темной
Смотрит людям в очи, как зрачок огромный.

Стебли трав гремели
Сухостью и стоном,
Чертовы качели
Со скрипучим клоном.
Ветер гнал, как волны,
По степной равнине
Бесковылья чёлны –
По низам долины.

Из оврага сырость, нанизав свой бисер,
Заплетала травы наподобье чисел.
И гуляя с ветром, как рука на струнах,
Гнулись гибко ивы на кубанских дюнах.
Длинными верстами шелудились дали,
Под ногами жестко – кочки вырастали...

Над землей страдавшей
Нависало кручей

Небо без просвета
Вздыбленную тучей,
Разражаясь громом,
Молнией, и треском,
И дождем, и стоном
С мокростью окрестной.

Холодели ночи. Дул ледящий ветер,
И кричал под утро весь в простуде кречет.
Между гор, названных – Снежными хребтами
И рекой Кубанью, чуть плетя ногами,
Шел казак, как пьяный, меж травой сухою,
Вышивая вензель в ковыле ногою...
Спотыкался, падал, поднимался снова,
И земля скрипела наподобье лога.

Шел вперед, все дальше,
Шел и шел степями,
Заплетаясь чаще
Босыми ногами...
Шел по бездорожью,
Шел по суходолу,
Как в обитель Божью,
Шел к родному дому.

Плакал слезной кровью,
Падал на колени –

То молясь с любовью,
То пугаясь тени.
Спал, дрожа, как звери,
Зарываясь в вереск,
Будто из-за двери
Слышен чей-то шелест.

Будто ветер в уши
Шепчет ночью что-то,
Средь болот и глуши,
Сказкой про кого-то.
Ел коренья, травы,
Бредил, обессиля,
Но все шел на север,
Муки пересия.

Ночи. Дни. Недели.
Дни. Недели. Ночи.
Отупели чувства,
Не глядели очи,
Лишь шагали ноги,
Сами шли тропюю,
Да дрожало сердце
Мертвою тоскою...

По земле мелькали тени или птицы,
Серый полог неба красили зарницы.

В зарослях сквозь ветлы у болотной тины
Кабаны и звери цокали в трясине.
Долгой ночью в мраке – жуть ползла по жилам,
И хотелось в хату за высоким тыном.
Босый, оборванный, весь в отрепье, в боли
Брел казак степями – как бы по неволи...

Ветер. Солнце. Версты.
Пыль. Ковыль. Бурьяны.
От голодной доли
Качка, будто пьяный.
То сгрызет коренья,
То поймает птаху;
Вдруг – татар виденье
Миражом – от страха.
Иногда он днями
Спал, как труп без мочи,
Или полз местами –
Закрывая очи...
Время. Дни. Недели.
Версты. Ночи. Холод.
В небе пели птицы –
Да под сердцем голод...

Так идя на север, тенью ссохся в теле,
Как сушеный клевер в прошлогоднем сене.
Небо было близко. Трудно знать дорогу,

И склоняясь низко – он молился Богу.
Набирался веры. Чаял вновь спасенья,
И без всякой меры плакал от мученья;
А когда добрался до границы водной,
Прямо оказался – никуда не годный.

Обвязался в аир – будто сноп иль куча,
И полез на берег, где пониже круча,
Как чеченец дикий бросился для встречи
В струи многоводной и холодной речки...

А когда казаки подплыли на стругах,
Был он весь горячий – не в воде – на углях:
Говорил, смеялся, обнимал руками,
И когда назвался – колотил зубами.

Так дозор рубежный
Старшину от смерти
Спас, как батька нежный –
Хоть их было двести.
Каждый лучшей мази
Клал на ссадин струпы,
Отмывал от грязи –
Человека-трупа.
Накрывал тулупом,
Брил, кормил, лелеял
То цебулей-луком,

То травой шалфеем.
Лили водку в горло,
Тяжело дышали,
И чего-то долго
Все кругом молчали...

И смотрела с неба Костромская Дева,
Как жует ржаные он кусочки хлеба.
Как целует землю. Плачет и смеется,
Павши на колени – молится и гнется.
Видно, Ей, Царице – за Небесным тыном
Было делом милым наблюдать за сыном –
Старшиной Иваном – бедным и убогим,
Вдруг спасенным чудом – Всемогущим Богом...

РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ

Под колокольным благовестом
Шумит в престольный Кострома.
Звеня, несутся с перекрестом
Всех колоколен голоса.
Звенит звенящей трелью тона,
Гудит, басит, гласит, как пест –
Нет лучшей музыки, чем звона,
Когда над храмом – русский крест!

Шумят на улицах гуляки,
Шумит народ, шумит толпа.
Покров сегодня. Божьи знаки.
Афон Иванов – Кострома.
Здесь и герой. Пришел молиться,
Он дал обет прийти пешком.
Пришел он к Лику поклониться,
Не заходя в родимый дом.

Он на околице станицы
Обнял жену, детей и мать;
Он должен очень торопиться,
Чтоб Лик увидеть и признать!

Отцом был встречен с хлебом-солью,
Друзьями к сердцу был прижат –
Станица вышла вся с любовью
К нему навстречу, на парад.

В церквях молебен был отслужен,
С низовья знать и старшина.
Восторг Черкаска обнаружен
Толпой, встречавшей беглеца.

И он ушел. Ушел с сумою.
Воронеж пройден – Лика нет!
Церквей десятки он с толпою
Уж посетил, верша обет.
Лишь после Зуева однажды
Ему сказал хромой старик,
Что в Костроме бывая дважды –
Он там приметил схожий Лик.

И старшина, крестясь, довольный
Шагает вдоль страны родной,
Счастливым тем, что снова вольный
Бредет российской стороной.

Плывут над ним по синьке неба
Гряды искристых облаков,
Пустеют пажити от хлеба,
С кругом желтеющих холмов;
У переправ костры и споры.
Парома ждут. Харчат. Поют.
И он вникает в разговоры
О том, как люди тут живут.

Текут в клубах дорог пылящих
Обозы длинные возов,
И вспоминает он скорбящих,
В плену оставшихся рабов...
Идет казак. Пылит ногами,
Твердит молитвы на ходу,
Скрипит с любовью сапогами,
Смотря на солнце и луну.
Блаженный. Радостный. Спокойный.
В своей стране. Среди своих –
Идет походкой он привольной,
Походкой бравых и... святых.

Вот Кострома! Собор под снегом.
Церковный двор монастыря.

И он, как ночью пред побегом –
Спешит, волнуясь и дрожа.

Пустынен храм. Горят лампы.

Струится свет из узких рам.

Темнеют старые оклады

Святых, стоящих по углам.

Теплятся свечи. Возле Спаса

В лучах клонящегося дня

Святая Мать с иконостаса

Сияет в ризе серебра.

И пал Иван! В величьи чуда

Стоит, колени преклоня,

И плачет, каясь, как Иуда,

У золотого алтаря:

– «Прости меня, о Мать Царица!

Прости грехи! Прости за всё!

Я как кулик: когда зарница –

В испуге прячусь от нее...

Я слаб, Владычица, и грешен;

Бываю плотью искушен...

Почто ж Тобою был утешен?

Почто Тобою был спасен?..»

И смотрит Лик в глаза Ивана

Очами кроткими любви;

Как там – в горах, среди тумана,

Смотрел из дальней Костромы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошли века! С тех пор икона
Пречистой Девы Костромской
У Иловайских – тех, что с Дона –
Была святыней родовой.
И нет у нас в семье киота,
А не киота – так угла –
Откуда б нам Ее забота
О нас – была бы не видна...

Париж

1961–1966

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

1. Баранта – пеня, накладываемая как наказание за проступок или преступление виновного.
2. Шиблэ – бог молнии и грома у горцев.
3. Алкаран – религиозный закон, по которому судят горцы Кавказа каждого преступника.
4. Снежные горы – составляют южную сторону Эльбруса.
5. Чешури – река на Кавказе, приток Риона.
6. Абхазский мед – сохраняется в плитках. Долговечен, его зовут даже «каменным медом».
7. Уздень – дворянин на Кавказе, владевший подчас многими рабами с правом «жизни и смерти» над ними.
8. Буза – род браги из ячменя.

9. Чуреки – лепешки из ячменя или пшеницы, заменяющие горцам хлеб.
10. Цхэлеуха – река, приток Риона.
11. Ходан – горы.
12. Квирили – река на Кавказе, приток Риона.

Выписка из книги бывшего флигель-адъютанта Александра I, генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского «Александр I и его сподвижники» (том 5, «Военная галерея Зимнего дворца»)

Иван Мокеевич Иловайский был войсковым старшиной, служил на Кавказе с полком и, в сражении с горцами, был полонен ими. Горцы продали его князьям в «Снеговые горы», где долго страдал он под игом изнурительных, тяжелых работ. По прошествии нескольких лет участь его облегчилась: его определили пасти овец. Ни угрозы, ни увещания горцев не могли склонить пленного к перемене веры и к женитьбе на их соплеменнице. В течение семилетнего плена Иловайский два раза, на весеннее время, покушался на побег, но следы его, остававшиеся в густой траве, и чутье собак открывали его горцам; оба раза он подвергался жестоким наказаниям. Тщетность попыток возвратиться на родину и страх подвергнуться новым мукам отклонили, наконец, Иловайского от искания свободы. Укрепляемый только верой, он покорился судьбе и видел предел своим страданиям – только в смерти. Однажды ночью в августе месяце, накануне праздника явления образа Костромской Божией Матери, заснул он подле своего стада. Во время сна явилось видение Божией Матери, Которая, даруя ему тропарь Свой, благословила его идти безбоязненно на родину. В тропаре упоминался, между прочим, град Кострома. Проснувшись, Иловайский застал себя читающим тропарь наизусть. Чудное сновидение изумило его, однако он не решился отважиться на новый побег из опасения, что горцы сдержат свое обещание и казнят его за третью попытку. В следующую ночь Иловайскому представилось то же видение, Божия Матерь с упреками за его сомнения к Ее святой защите, с указанием идти смело на Дон и читать во время пути тропарь.

В непоколебимой уверенности на благость Божию и почитая видение призывом Небесной силы, он решился повиноваться, несмотря ни на какие последствия. Отправив стадо к хозяевам своим с подпаском, он приказал сказать, что идет собирать ягоды, а сам немедленно отправился в путь. Догадавшись о замысле

Иловайского, хозяин его собрал весь аул и пустился в погоню на лошадях, со стаей собак. К счастью для Иловайского, в то время сгорела трава от лесных пожаров, и следы исчезли от глаз человеческих и от чутья собак. Блуждая в поисках своих, горцы попадали на принятое Иловайским направление, но он успевал удачно скрываться то в дуплах, то на вершинах деревьев, замирая от ужаса, когда слышал угрозы и неистовые вопли своих сыщиков. Странствуя таким образом и терпя голод, он питался вначале плодами, а переправившись вплавь через реки и проходя степью, ел только корни трав; так шел он, не встретив на расстоянии семисот верст ни одного жилища.

Наконец он достиг берегов Дона, но здесь его ждала новая беда. Казаки приняли его сначала за черкеса. Отправленные для опроса его на лодке вооруженные донцы узнали его и перевезли в Черкасск.

Тут первым делом Иловайского было исполнить обет свой перед Богом: не входя в дом свой, отслужить молебствие за дивное свое спасение.

Вскоре он узнал, что в Костроме действительно находится образ явленной Божией Матери, и на другой день, повидавшись только с женой, отправился он пешком. Отдав по прибытию в Кострому дань признательности в теплых молитвах к Всевышнему перед святой иконой, он снял список со священного Лица и отправился со списком пешком в Москву, обложил здесь образ в золотую ризу и возвратился на Дон.

С той поры икона сия при всех обстоятельствах в жизни в роде Иловайских сопутствует им благословением, а само происшествие начертано в числе чудес в костромской соборной церкви.

Впоследствии Иван Мокеевич с отличием служил против шведов, командуя полком своего имени.

Добавление

За этот героический побег из плена старшине был дан в 1727 году царем Петром II серебряный ковш. На ковше имеется надпись вязью, упоминающая о причинах его дарования герою.

Ковш этот в 1966 году хранится в семье Иловайских в городе Париже, будучи вывезенным в дни революции за границу.

Увы, на нем ныне не хватает двуглавого орла, пропавшего с тех пор и украшавшего один из его концов.

Публикуется с техническими правками по изданию:

Иловайский М.В. Костромская Божия Матерь : Легенда об Иване Мокеевиче Иловайском – Донского войска старшине // Иловайский Марк. Донские поэмы. – Madrid: Ediciones Castilla, 1974. С. 41–80.